

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОСОБНИЧЕСТВА В СОВЕТСКОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Эффективность реализации уголовной политики во многом зависит от взаимосвязи законодательства, теории и практики. На примере пособничества как одного из институтов уголовного права прослеживается механизм их взаимовлияния на протяжении нескольких исторических эпох: с момента коренного перелома в развитии уголовного права, связанного с революцией 1917 г., до настоящего времени. Автор анализирует изменения в законодательстве за указанный период. Отмечается, что после отказа в Уголовном кодексе 1922 г. от открытого перечня пособнических действий, заложенных в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., во всех источниках уголовного права наблюдается постоянное увеличение перечня криминализованных способов пособничества. По мнению автора, причиной этого являются объективные потребности практики, поскольку многообразие вариантов общественных отношений (и соответственно общественно опасных деяний, направленных на их разрушение), не может вписаться в законодательные рамки. Подобные выводы подтверждаются решениями по конкретным делам, рассмотренными судебными инстанциями различных уровней начиная с 1920-х гг. и до настоящего времени. Кроме того, приводятся основные доктринальные позиции по рассматриваемым вопросам. Делаются выводы о возможности применения отдельных способов законодательного регулирования, используемых советским уголовным правом, к решению современных проблем. В частности, на примерах конкретных общественно опасных деяний (содействие террористической деятельности, посредничество во взяточничестве, пособничество в незаконном сбыте наркотических средств) с учетом потребностей современной практики предлагается возврат к закреплению в Общей части Уголовного кодекса открытого перечня способов пособничества.

Ключевые слова: соучастие, пособничество, укрывательство, недонесение, содействие террористической деятельности, посредничество во взяточничестве, сбыт наркотических средств, приобретение похищенного имущества, уголовная политика, квалификация.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.140.7.039-053

Актуальность исследования института пособничества определяется потребностями современной правоприменительной практики при установлении границ видов соучастников в рамках институтов Общей части УК РФ. В частности, много спорных вопросов вызывают такие составы, как содействие террори-

стической деятельности, посредничество во взяточничестве, пособничество в незаконном сбыте наркотических средств. Нельзя считать устоявшимися и взгляды на разграничение понятий пособничества и соисполнительства применительно ко многим другим преступлениям.

© Пикуров О. Н., 2018

* Пикуров Олег Николаевич, кандидат юридических наук, старший помощник прокурора Волгоградской области по правовому обеспечению и взаимодействию с общественностью
pikurov@mail.ru
400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 124

К теоретической разработке соучастия обращалось немало исследователей советского периода (А. Я. Вышинский, Л. Д. Гаухман, П. И. Гришаев, М. И. Ковалев, Г. А. Кригер, А. Н. Трайнин, Б. С. Утевский и многие другие). Не остается без пристального внимания ученых эта тема и сегодня. Однако исследователи, как правило, затрагивали теоретические проблемные вопросы отдельного, обычно современного им периода либо осуществляли краткий экскурс в историю развития понятия. Между тем, если рассмотреть это явление более широко и во взаимосвязи с развитием практики, законодательства и доктрины, то выявляются интересные закономерности, позволяющие по-новому взглянуть на некоторые аспекты обозначенной проблемы.

Пособничество относится к числу тех видов соучастия, которые не только обозначены в уголовном законе, но и зафиксированы в многочисленных актах правоприменения. Оно наиболее близко примыкает к соисполнительству, о чем свидетельствует и семантика слова «пособничество»: термин, определяющий его смысл, — «содействие», в современных словарях толкуется как устаревший синоним слова «соучастие»¹. Подобная близость признаков влечет проблемы квалификации конкретных деяний, при этом жизненные реалии постоянно ставят перед правоприменителями новые задачи, выходящие за рамки законодательных определений. Законодатель, в свою очередь, воспринимает устойчивые варианты толкования норм, содержащиеся в том числе в судебных решениях по конкретным делам, как сигнал для изменения закона. Они являются своеобразным «оселком», на котором проверяется работоспособность нормы и выявляются ее недостатки. Особый интерес представляет изучение трансформации отношения к пособничеству со стороны законодателя, судебной практики и доктрины за последние 100 лет истории развития уголовного права, с момента создания принципиально нового, советского государственного устройства. При этом в качестве основной тенденции после отказа в 1922 г. от открытого перечня пособнических действий, заложенных в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., наблюдается увеличение перечня криминализованных способов пособничества при каждом

издании кодифицированного источника уголовного права.

Для наглядности излагаемых тезисов сравнимый текст законодательных актов приведен в таблице. На каждом из перечисленных в ней нормативных документов далее остановимся подробнее, с анализом конкретных примеров их реализации в судебной практике (см. таблицу).

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (п. 24) определяли пособников как тех, кто «не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. непрепятствованием совершению преступления».

Только в данном нормативном акте присутствуют три характеристики рассматриваемого вида соучастия, от которых законодатель в дальнейшем отказался. Во-первых, позднее было убрано указание на непринятие пособником непосредственного участия в преступлении. Думается, это можно объяснить стремлением избежать избыточных признаков, добиться максимальной лаконичности. Во-вторых, исключена расширительная форма содействия — «словом или делом» (это обстоятельство затронем в конце работы, анализируя современную судебную практику). В-третьих, в дальнейшем не нашло места такое широкое значение пособничества, как попустительство.

Примером толкования пособничества как попустительства может служить приговор народного суда особой сессии при саргубсовнар суде от 12.10.1921, которым Маркель и Крайбель осуждены за нарушение п. 11 декрета «О воспреещении изготовления и продажи крепких напитков». Указанная норма предусматривала ответственность за распитие незаконно приготовленных крепких напитков в публичных местах. Осужденные обжаловали приговор, ссылаясь на то, что распитие самогонки происходило в частном доме. Отдел судебного контроля оставил жалобу, как тогда формулировалось, «без последствий», указав следующее: «Ввиду того, что Маркель — председатель и Крайбель — член исполкома являлись должностными лицами в своем селе, а потому, распивая самогонку в избе своего

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный : в 2 т. 2-е изд., стер. М., 2001. Том 2 : П — Я. 1084 с.

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 Г.	УК РСФСР 1922 Г.	УК РСФСР 1926 Г.	ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ЗАКО- НОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК 1958 Г., УК РСФСР 1961 Г.	УК РФ 1996 Г.
Пособниками считаются те, кто, <i>не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния</i> , содействует выполнению его <i>словом или делом</i> , советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления <i>или попустительством, т.е. непрепятствованием совершению преступления</i> .	Пособниками считаются те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления.	Пособниками считаются лица, содействующие выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же сокрытию преступника или следов преступления.	Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.	Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Примечание. Написание шрифтов выделяет признаки пособничества по следующему принципу: *курсивом* — не получившие закрепление в дальнейших редакциях уголовного законодательства, **полужирным** — введенные в данной конкретной редакции.

односельчанина и тем, вместо искоренения, *потворствуя* (курсив мой. — О. П.) своим поведением выкурке самогонки — промыслу, признаваемому преступным декретами Республики, несомненно, дискредитировали в глазах местного населения советскую власть»².

Избегая возможные дискуссии по поводу обоснованности криминализации подобных действий, хотелось бы обратить внимание лишь на способ аргументации приведенного решения — перечисление признаков, указывающих на общественную опасность деяния. При этом в теоретических исследованиях периода становления советского уголовного права революционное правосознание как основа

для актов правоприменения не подразумевало «революционного беспредела», а служило лишь механизмом защиты интересов общества и государства. В частности, А. Н. Трайнин приводит точки зрения, не сильно отличающиеся от современного понимания законности как точного и неуклонного соблюдения правовых норм всеми субъектами права: «Коренное различие между законностью революционной и законностью неревolutionной только в том, что мы вырабатываем наши революционные законы в целях охраны нашего революционного порядка; они же вырабатывают свои законы в целях охраны их классового господства. И больше ни в чем» (Крыленко), «Зако-

² Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего судебного контроля // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 18. С. 11.

ны надо выполнять, а не анализировать их по своему усмотрению, хотя бы и прикрываясь фразой о революционной целесообразности» (Семашко), «Под революционной законностью должен пониматься тот правопорядок в государстве, который признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и который в силу этого обязателен как для граждан, так и для органов и агентов власти» (И. Антонов-Саратовский)³.

По поводу соотношения «компетенций» законодателя и правоприменителя А. Н. Трайнин отмечал, что «именно с обострением классовой борьбы право определять меру наказания, раньше почти нераздельно принадлежавшее законодателю, все более и более переходит к судье; все более система фиксированных в законе санкций начинает уступать место широкому, почти неограниченному или малоограниченному судебскому усмотрению»⁴.

Вполне корреспондируя бытовавшей доктрине наибольшего судебного усмотрения, **Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.** в ст. 16 давал самое краткое определение пособников в законодательстве того периода: «Те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления». Как до этого, так и после советское, а затем и российское уголовное законодательство в полной мере вбирает в себя все перечисленные признаки (либо слегка видоизменяет их).

Следует отметить, что, показывая некоторую инертность, практика продолжала применять расширительное толкование пособничества. Делалось это со ссылкой на ст. 10, позволявшую в случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений применять наиболее сходные по важности и роду преступления. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР 24 ноября 1924 г. отменил оправдательный приговор в пособничестве сводничеству и содержанию притонов разврата (ст. 171 УК РСФСР 1922 г.) в отношении Иссерлина, Оршера и Хасты. Решение мотивировалось установлением связи подсудимых с преступной средой: они считались

в притоне «своими людьми» и являлись наиболее желательными посетителями по своим денежным ресурсам. Это, как указала высшая судебная инстанция, является достаточным основанием, независимо от вопроса об уголовной наказуемости совершенного ими деяния, для применения меры социальной защиты⁵.

В пункте 12 **Основных начал уголовного законодательства Союза ССР 1924 г.** определения пособничеству не давалось, оно лишь перечислялось среди всех прочих соучастников с указанием на то, что меры социальной защиты применяются к ним в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ст. 17) добавляет к формулировке, используемой предыдущим кодексом, такой способ содействия, как «предоставление средств». При этом в законе по-прежнему не прописывалось, должно ли сокрытие преступника или следов преступления быть заранее обещанным. Подобный пробел на протяжении нескольких десятилетий порождал различные варианты квалификации в случае присоединения лица к уже совершенному деянию. Все их можно условно разделить на две основные группы: признание таких действий соучастием в форме пособничества либо выделение в самостоятельный состав преступления. При этом конкретные разновидности действий, которые вызывали наибольшее число вопросов (укрывательство преступлений, помощь в реализации похищенного, недонесение о совершенном преступлении и приобретение заведомо краденого) могли, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, относиться как к первой, так и ко второй группам. В качестве иллюстрации приведем наиболее типичные примеры по каждой из вышеперечисленных разновидностей.

Квалификация заранее не обещанного сокрытия преступника как соучастия в форме пособничества. Наглядным примером с этой точки зрения является следующее уголовное дело, рассмотренное Пленумом Верховного Суда РСФСР 20 декабря 1926 г. Обвинявшиеся в убийстве Крылов и другие, содержась

³ Цит. по: Трайнин А. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. 1926. № 78. С. 2—3.

⁴ Трайнин А. Указ. соч. С. 2—3.

⁵ Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР за 1924 год. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1925. С. 93—94.

в Сызранском доме заключения, вошли в соглашение с заключенными Пумпуром и Некрасовым, и последние подали заявление о том, что убийство совершено ими. В дальнейшем следствием установлена непричастность Пумпура и Некрасова к указанному преступлению. Ульяновский губернский суд признал Крылова и других виновными в убийстве, а Пумпура и Некрасова оправдал. Пленум признал неправильным оправдательный приговор, указав, что «действия Пумпура и Некрасова являются, безусловно, социально опасными, и так как самооговор в данном деле имел целью содействовать сокрытию действительных преступников, то таковые действия должны быть квалифицированы как пособничество по 16 ст. УК (17 ст. ред. 1926 г.)»⁶.

«Реализация имущества, заведомо похищенного другим лицом, должна квалифицироваться как соучастие в хищении» — именно с такой формулировкой издано определение воднотранспортной коллегии Верховного Суда СССР от 14 мая 1949 г. по приговору линейного суда Амурского бассейна по делу Лякина и других. Усмотрев из материалов дела, что Лякин совершил кражу пяти байковых одеял из кладовой общежития завода, а Непринцев и Антонников, зная о том, что одеяла похищены, приняли участие в их реализации на рынке, высшая судебная инстанция указала на необходимость квалификации действий Лякина по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а Непринцева и Антонникова — как пособничество в этом же преступлении⁷. Обратим внимание, что в этом случае речь идет не о скупке Непринцевым и Антонниковым краденого, а об оказании помощи в реализации. Кроме того, действия пособников в отношении предметов, добытых преступным путем, получают нормативное закрепление позднее — с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (в ст. 17 УК РСФСР 1926 г. они не упоминаются). В этом случае практика как бы «упреждает» законодательные новеллы, «нащупывает» возмож-

ные варианты оценки общественно опасных действий.

Наиболее понятной и наименее спорной с точки зрения современности являлась практика применения ч. 1 ст. 164 УК РСФСР 1926 г. — *покупка заведомо краденого*. Данный состав стоит затронуть в настоящем исследовании, поскольку он достаточно тесно связан с пособничеством, а разграничение между ними осуществлялось именно по признаку заведомости.

Так, 15 августа 1942 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила приговор народного суда 1-го участка Мгинского района Ленинградской области в отношении Наголовниковой, осужденной за пособничество в краже. Наголовниковой вменялось то, что она несколько раз обменивала печеный хлеб и картофель на муку, которую шоферы провозили по трассе, и способствовала тем самым хищению шоферами этой муки. Помимо недоказанности фактов хищения шоферами муки, явившейся причиной прекращения производства по делу, Верховный Суд подчеркнул, что «даже если бы мука была действительно похищена шоферами, а Наголовникова, совершая обмен, знала об этом обстоятельстве, то в этом случае действия Наголовниковой должны были квалифицироваться не как соучастие в краже, а как покупка заведомо краденого — статья 164 УК РСФСР»⁸.

Часть 1 ст. 164 УК РСФСР 1926 г. была усмотрена Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР и в действиях Лариной, осужденной первоначально народным судом 2-го участка Красногвардейского района г. Ленинграда по ч. 2 ст. 164 УК РСФСР. Из судебного решения следует, что Ларина купила у трех разных лиц туфли и 2 пальто. В определении от 4 декабря 1946 г. Верховный Суд СССР указал, что «покупая пальто и туфли по низким ценам, Ларина сознавала, что указанные вещи продавцами добыты преступным путем, следовательно, в этой части вина Лариной по делу доказана. Однако по делу не установлено, что Ларина занималась скупкой и перепродажей краденых вещей в виде промысла и что это

⁶ Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР по делу по обвинению Вержбицкого и др. в части, касающейся оправдания гр. Пумпура и Некрасова // Судебная практика РСФСР. 1927. № 1. С. 6—7.

⁷ Определение воднотранспортной коллегии Верховного Суда СССР от 14 мая 1949 г. по делу Лякина и др. // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 9. С. 18.

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 15 августа 1942 г. по делу Наголовниковой // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1942. Вып. II. С. 14.

являлось одним из источников ее существования»⁹.

Квалифицированный состав *покупки заведомо краденого — в виде промысла* — был усмотрен в действиях Демина, осужденного Чкаловским областным судом за то, что, войдя в преступную связь с завхозом МТС Комаровым, закупил у последнего 50 пудов пшена за 30 000 руб., зная, что это пшено похищено. Половину закупленного пшена Демин перепродал, остальное у него было обнаружено при обыске. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР действия Демина переквалифицированы: вместо вмененной первой инстанцией ст. 107 УК РСФСР (скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления) усмотрена ч. 2 ст. 164 УК РСФСР 1926 г. Однако такое изменение квалификации признано неверным Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР с указанием в определении от 22 августа 1945 г. на то, что «поскольку закупка имела место в отношении заведомо похищенного имущества, следовало применить и ст. 107 и ч. 2 ст. 164 по совокупности»¹⁰.

Заметим, что квалифицирующий признак (промысел) в приведенном выше примере усмотрен не из количества совершенных Деминым закупок заведомо краденого, а из сущности самих действий — спекуляции в оптовых объемах. В тех же случаях, когда промыслом являлась сама по себе скупка заведомо похищенного (деятельность так называемых «барыг»), действия виновных квалифицировались как соучастие в форме пособничества.

Так, по приговору народного суда 2-го участка Морского района г. Таллина Ласс и Кярт осуждены по ч. 2 ст. 164 УК РСФСР 1926 г. (покупка заведомо краденого). Указанные лица — собственники частных мастерских по изготовлению металлических кроватей, признаны виновными в скупке в течение 1949 г. проволоки, покрытой медью, которая

была похищена другими осужденными на заводе «Металлист». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определением от 22 марта 1951 г. приговор отменила, усмотрев в действиях осужденных ст. 17 УК РСФСР 1926 г. и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В обоснование решения приведены следующие аргументы: «Ласс и Кярт, систематически скупая заведомо похищенную проволоку, тем самым *создавали расхитителям благоприятные условия для сбыта краденого* (курсив мой. — О. П.) и этим содействовали хищениям, которые совершали другие лица. Ласс и Кярт должны были предвидеть, что в результате их содействия будут совершаться хищения, а поэтому нет оснований не считать их соучастниками хищения»¹¹.

Квалификация заранее не обещанного сокрытия преступника по статье, предусматривающей ответственность за недонесение о совершенном преступлении. Интересным примером в этом плане является дело Спеловой. Как следует из опубликованных материалов, Спелова по личным делам приехала в дер. Быково Калининской области, где обменяла у Ивановой имевшиеся у нее с собой продукты — сельди и сахар на масло и творог, заведомо зная, что вымененные Ивановой продукты являются похищенными с Яшковского сепаратного отделения. После этого Спелова возвращалась домой в город Кимры, и вместе с ней Иванова послала своего мужа с частью похищенного масла, чтобы реализовать его в Кимрах. По дороге оба были задержаны. Первоначально Калининский областной суд осудил Спелову за пособничество в хищении, определением Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе. Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР определением от 5 января 1949 г. переквалифицировала действия Спеловой на недонесение о совершенном хищении государственного имущества¹².

⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 4 декабря 1946 г. по делу Лариной // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. Вып. I (XXXV). С. 18—19.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 августа 1945 г. по делу Демина // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. № 8. С. 17.

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 марта 1951 г. по делу Ласса и Кярта // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1953. № 1. С. 11—12.

¹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 5 января 1949 г. по делу Спеловой // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 3. С. 21—22.

Следует заметить, что формулировка ч. 1 ст. 164 УК РСФСР 1926 г. (покупка заведомо краденого) не позволяла квалифицировать по ней действия Спеловой, представляющие собой обмен, а не куплю-продажу. Между тем аналогичный состав преступления, предусмотренный ст. 208 УК РСФСР 1961 г. (заранее не обещанное *приобретение* имущества, заведомо добытого преступным путем), имел уже более широкое значение, в том числе мог охватывать и подобные ситуации обмена.

Кроме того, еще чуть позднее (Законом РСФСР от 25.07.1962¹³) ст. 208 УК РСФСР 1961 г. была существенно преобразована, в частности дополнена такими действиями, как «заранее не обещанные сбыт или хранение с целью сбыта, а равно приобретение с целью сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем». Тем самым и такие общественно опасные деяния, как действия Непринцева и Антонникова (обратимся повторно в качестве иллюстрации к приведенному выше примеру), выражающиеся в *помощи в реализации заведомо краденого имущества*, — фактически сбыт, нашли свое более точное (хотя и не окончательно точное) закрепление. Указанные признаки — заранее не обещанное приобретение или сбыт — сохранились до настоящего времени в ст. 175 УК РФ.

В целом анализ судебных решений 1940—1950-х гг. позволяет сделать вывод о том, что до названных изменений основным критерием разграничения в случае заранее не обещанного укрывательства служил характер действий виновного: если лицо бездействовало как в плане помощи преступнику в сокрытии преступления, так и в плане помощи правоохранительным органам — усматривалось недонесение; если речь шла о *содействии* (т.е. наличии каких-то активных действий) — соучастие. Приведем два характерных примера.

Ларичкин и Иванков похитили из контейнера 221 железнодорожный форменный костюм, часть из которых передали для реализации Комарову и Абрамову, а часть передали для перешивки Князеву Петру, сообщив через его сына — Князева Валентина — о том, что костюмы похищены. Позднее, когда стало известно

о проведении обыска у Комарова, Князев Валентин и Ивочкин перепрыгали костюмы в домовладении у Ивочкина, где они были изъяты позднее при обыске. Действия Князевых и Ивочкина следствием квалифицированы по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» как соучастие в хищении, однако линейный суд переквалифицировал действия Князевых на недонесение, а Ивочкина оправдал. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР определением от 31 января 1949 г. отменила приговор линейного суда, обратив внимание на то, что действия обвиняемого, выразившиеся в сокрытии имущества, похищенного другим лицом, должны квалифицироваться не как недонесительство, а как соучастие в хищении¹⁴.

По аналогичному уголовному делу, также рассмотренному железнодорожной судебной коллегией Верховного Суда СССР, Никуличев признан виновным в том, что по просьбе дочери перенес со льдопункта станции Брянск-11 на свою квартиру и спрятал под пол ящик сливочного масла, похищенного ею из вагона-ледника, а в дальнейшем не донес об этом органам власти. В определении от 31 марта 1949 г. коллегия указала, что «действия, инкриминируемые Никуличеву, выразившиеся в *укрывательстве* похищенного, следовало квалифицировать по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» (пособничество в хищении. — О. П.), поскольку Никуличева осуждена по названной статье Указа»¹⁵.

Обратим внимание на употребление Верховным Судом по делу Никуличева термина «укрывательство», которое предлагается использовать как одну из разновидностей пособничества. В первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. пособничество и укрывательство использовались как сходные, но *разнозначные* понятия в двух статьях: ч. 1 ст. 58.12 (ответственность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности об

¹³ Закон РСФСР от 25.07.1962 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

¹⁴ Определение железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1949 г. по делу Ларичкина и др. // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 3. С. 23.

¹⁵ Определение железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 31 марта 1949 г. по делу Никуличева // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 6. С. 25—26.

их конечных целях) и ч. 2 ст. 59.4 (пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления). Причем в последнем случае наряду с ними выделялось и *сокрытие добытого*. В решении же по Никуличеву Верховный Суд усмотрел, что сокрытие добытого поглощается по логическому объему укрывательством, а укрывательство, в свою очередь, — пособничеством. Постановлением ВЦИК и СНК от 06.06.1927 ч. 1 ст. 58.12 была упразднена, в новой редакции этой статьи оставлено только недонесение за такого рода преступления¹⁶, а ст. 59.4 была принципиально изменена постановлением ВЦИК и СНК от 10.01.1931¹⁷.

Попутно заметим, что в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. пособничество встречалось в Особенной части еще в одной статье — 59.8, устанавливающей ответственность за подделку знаков государственной оплаты: в ч. 2 подчеркивалось, что за квалифицированный состав данного деяния — подделку денежных средств несколькими лицами или в виде промысла, ответственность наступает «в отношении всех участников и пособников». В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 10.02.1930 новая редакция ст. 59.8 УК РСФСР уже не употребляла термина «пособничество»¹⁸. С момента перечисленных изменений упоминание о нем вплоть до наших дней останется лишь в Общей части Уголовного кодекса. В Особенную часть термин вернет Федеральный закон от 09.12.2010 № 352-ФЗ¹⁹, которым введена ч. 3 ст. 205.1, предусматривающая ответственность за пособничество в совершении террористического акта, захвате заложников и организации незаконного вооруженного формирования (к данному составу мы вернемся, рассматривая положения современного

УК РФ). В свою очередь, термин «укрывательство» исчезнет из уголовного-правовых норм на недолгое время — до принятия Основ уголовного законодательства 1958 г.

В научно-практической литературе конца 30-х гг. прошлого века при анализе положений проекта единого для СССР Уголовного кодекса в качестве одного из важных нововведений отмечалось, что «укрыватели преступления относятся к самостоятельному виду соучастников наравне с исполнителем, подстрекателем и пособником, а не выступают в качестве пособников, как это считает действующий УК РСФСР (ст. 17)»²⁰. Между тем данный проект так и не увидел свет, и «рядовой» правоприменитель на местах в условиях неисправленной законодательной коллизии часто «не желал» квалифицировать заранее не обещанное укрывательство похищенного имущества как соучастие. Выбор делался в пользу другого вида прикосновенности к преступлению, закрепленного в кодексе, — недонесения. Примечательно, что точка зрения, противоположная требованиям высшей судебной инстанции, встречается в материалах научной конференции вуза, подготавливающего офицерские кадры для военных трибуналов и военной прокуратуры. Так, один из участников конференции 1949 г., рассматривая вопросы совершения преступления организованной группой, указывал, что в число общих оснований индивидуальной ответственности каждого соучастника входит причинение — связь действия (бездействия) субъекта с общим для группы преступным результатом, а одним из неперенных условий квалификации хищения, совершенного двумя или большим числом лиц, является предварительное соглашение соучастников на совершение одного или нескольких хищений²¹.

¹⁶ Постановление ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

¹⁷ Постановление ВЦИК и СНК от 10 января 1931 г. «Об изменении ст.ст. 59.4, 59.5, 193.10 и о дополнении ст.ст. 69 и 193.10а Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1931. № 5. Ст. 46.

¹⁸ Постановление ВЦИК и СНК от 10 февраля 1930 г. «Об изменении ст. 59.8 Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1930. № 8. Ст. 94.

¹⁹ Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6610.

²⁰ Волков Г. О проекте нового Уголовного кодекса // Социалистическая законность. 1937. № 3. С. 20.

²¹ Каганов С. Некоторые вопросы соучастия в советском уголовном и военно-уголовном праве // Тезисы докладов на IV научной конференции слушателей Военно-юридической академии вооруженных сил СССР. М., 1949. С. 3.

Вместе с тем позиция высшей судебной инстанции не оставалась без подкрепления авторитетными научными трудами. В частности, А. Я. Вышинский применительно к укрывательству указывал: «Обещание не является обязательным условием для признания укрывательства пособничеством. Укрыватель мог ничего не обещать, но, как участник общей преступной деятельности, помогать успеху этой деятельности своим укрывательством. В таком случае нет никакого основания выделять его из числа других соучастников и рассматривать его лишь как прикосновенного к преступлению»²². В пользу такого утверждения на некоторое время разрешило спор и руководящее указание Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по применению указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества”», утвержденное постановлением от 06.05.1952 № 4. Пункт 12 данного документа разъяснял, что «действия лиц, виновных в сбыте заведомо похищенного имущества или в содействии его сокрытию, должны квалифицироваться как соучастие в хищении, а не как недоносительство»²³. Целесообразность подобного подхода поддерживалась в научных публикациях вплоть до конца 1950-х гг. и предлагалась для закрепления в рамках обсуждения кодификации советского уголовного законодательства. Так, у Б. С. Никифорова можно встретить следующее высказывание: «В связи с вопросом о прикосновенности к преступлению вносится не новое, но вполне основательное предложение о перенесении в Особенную часть положений о заранее не обещанном соучастии»²⁴.

Однако **Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.** (ст. 17), а в дальнейшем и **Уголовный кодекс РСФСР 1961 г.** (ст. 17) изменили ситуацию, прямо указав на то, что действия пособника по сокрытию должны быть заранее обещанными.

Кроме того, в числе объектов возможного сокрытия помимо самого преступника и следов преступления добавлены орудия и средства совершения преступления и предметы, добытые преступным путем. Укрывательство в соответствии со ст. 18 вышеназванных нормативных актов стало возможным только в случаях, прямо предусмотренным законом. Перечень таких преступлений был дан в ст. 189 УК РСФСР 1961 г.

Примерно к этому же периоду времени относится и смена преобладающих точек зрения в доктрине уголовного права. Так, М. И. Ковалев, обосновывая обязательность заранее данного пособником обещания, в частности, указывал: «Фактом обещания у исполнителя укрепляется решимость совершить преступление, устраняются препятствия, появляется реальная надежда на безнаказанность, а это — весомый фактор для того, чтобы поставить упомянутое обещание в причинную связь с действиями исполнителя, а через них и с преступным результатом»²⁵.

Между тем в судебной практике, по крайней мере в течение двух десятилетий, устойчиво сохранялась одна особенность, казалось бы недопустимая в силу законодательных требований того времени. Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступления, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества»²⁶ предусматривал возможность признания соучастием укрывательства преступления, а также приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, не только в том случае, если эти действия были заранее обещаны исполнителю, но и «по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие». Аналогичное положение содержалось и в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда СССР от

²² Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 118.

²³ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 6. С. 1—5.

²⁴ Никифоров Б. С. Основные вопросы развития советского уголовного права в связи с кодификацией уголовного законодательства // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской Социалистической Революции, 21—23 октября 1957 г. М., 1958. Вып. 1 : Доклады на пленарных заседаниях. С. 89.

²⁵ Ковалев М. И. К вопросу о понятии соучастия в советском уголовном праве // Правоведение. 1959. № 4. С. 97—105.

²⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 5. С. 17—19.

11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»²⁷.

Думается, в подобных случаях подразумевалось не отсутствие предварительной договоренности вообще между исполнителем и пособником, а своеобразный конклюдентный характер обещания, не облеченный в устную форму. Такая позиция последовательно реализовывалась на практике и поддерживалась в теоретических исследованиях. Так, изданный в 1970-х гг. сборник судебной практики содержал определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 01.03.1962, которым квалифицированы как соучастие в форме заранее не обещанного укрывательства (ст. 17 и ч. 2 ст. 89 УК РСФСР 1961 г.) действия Жракова, принявшего для сокрытия и реализации имущество, похищенное ранее Бариновым и Филипчуком. При этом предварительного согласия на эти действия исполнителями кражи не спрашивалось, поскольку ранее Жраков уже хранил украденное из склада и считалось само собой разумеющимся, что он примет и другое похищенное имущество²⁸. Поддерживая позицию Верховного Суда РФ о признании соучастием систематического приобретения от одного и того же расхитителя похищенного имущества, А. В. Галахова в своей работе приводила в качестве примера дело Б., переоборудовавшего в своем гараже доставленные ему автомашины для дальнейшей их реализации по подложным документам. Достаточным для признания его пособником в хищении было усмотрено то, что Б. сознавал, что своими действиями содействует преступнику в сбыте данного имущества²⁹.

Стоит упомянуть, что по результатам анализа кассационной практики Волгоградского областного суда за период с 1969 по 1971 г. смешение заранее не обещанного укрывательства похищенного имущества и пособничества в хищении выделено А. В. Наумовым в числе трех наиболее распространенных ошибок при-

менения Общей части УК РФ (выявлявшихся, в свою очередь, значительно реже неправильного применения Особенной части УК РФ). При этом А. В. Наумов выразил мнение о том, что значительно сократить количество допускаемых в судебной практике ошибок стало бы возможным при условии, если «некоторые рекомендации, положения, своего рода “рецепты” правоприменительной деятельности в области уголовного права вошли бы в уголовное законодательство непосредственно»³⁰.

Подобные предложения были в дальнейшем учтены. Законодательная формулировка ныне действующего **Уголовного кодекса РФ 1996 г.** применительно к пособничеству является самой подробной из всего анализируемого периода. Часть 5 ст. 33 УК РФ дала возможность квалифицировать как пособничество действия лица, предоставившего информацию и орудия совершения преступления. Кроме того, на законодательном уровне более четко регламентирован вопрос в отношении лиц, заранее обещавших приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем.

Однако проблем с квалификацией рассматриваемого института не стало меньше. При этом дискуссионный акцент переносится с общих признаков пособничества на его применение к отдельным составам — борьба с терроризмом, взяточничеством, незаконным оборотом наркотических средств.

В частности, много споров вызвало возвращение термина «пособничество» в Особенную часть УК РФ Федеральным законом от 09.12.2010 № 352-ФЗ³¹, которым введена ч. 3 ст. 205.1, предусматривающая ответственность за пособничество в совершении террористического акта, захвате заложников и организации незаконного вооруженного формирования. Во введенном одновременно к этой статье примечании 1.1 дается определение пособничества, дословно воспроизводящее почти все его признаки, содержащиеся в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Из Общей части не продублирован лишь один

²⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974. С. 444—454.

²⁸ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1959—1971 гг. М., 1973. С. 89.

²⁹ Галахова А. Практика применения уголовного закона о соучастии // Советская юстиция. 1980. № 5. С. 21—23.

³⁰ Наумов А. В. Характеристика типичных ошибок в применении уголовного закона // Советская юстиция. 1973. № 15. С. 13—14.

³¹ Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6610.

признак — указывающий на то, что пособнические действия по сокрытию преступника, следов преступления и т.д. должны быть *заранее обещаны*. При этом отказ в специальном определении от отдельных ограничений, накладываемых общими положениями института пособничества, дает повод к пересмотру, казалось бы, уже устоявшейся концепции невозможности присоединения пособника на стадии оконченного преступного деяния. К примеру, в современной научно-практической литературе встречается мнение о том, что заранее не обещанное укрывательство преступления возможно квалифицировать как пособничество в соответствии с примечанием 1.1 к ст. 205.1 УК РФ³².

Однако использование в статьях Особенной части терминов, характеризующих конкретные способы соучастия, вызывает и серьезную критику. В частности, Д. А. Безбородов выразил следующую позицию по поводу тенденций российского уголовного законодательства к излишней казуистичности: «К сожалению, иногда создается впечатление, что законодатель либо не подозревает о существовании в Общей части Уголовного кодекса института соучастия в преступлении, либо руководствуется какими-то иными мотивами, как представляется, чаще всего политического характера»³³. А. И. Рарог, выделяя ст. 205.1 УК РФ как «наименее удачную и наиболее многострадальную норму среди уголовно-правовых средств противодействия терроризму», в своих работах приводит ряд весомых аргументов о ее социальной и юридической необоснованности, содержательных и технико-юридических недостатках³⁴.

Подобным же образом А. И. Рарог отрицательно характеризует и еще одну «неновую новеллу» — Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ, которым введена статья 291.1 «По-

средничество во взяточничестве». По мнению ученого, возврат в законодательство посредничества во взяточничестве осуществлен с нарушением требований системности уголовного закона. В качестве основных аргументов А. И. Рарог приводит отсутствие аналогичных изменений применительно к коммерческому подкупу, а также явное несоответствие санкций посредничества во взяточничестве по сравнению с санкциями за дачу или получение взятки³⁵.

Не оспаривая перечисленных доводов, попытаемся все же выяснить «побудительные мотивы» законодателя. В качестве таковых видится ограниченность вариантов пособнических действий, закрепленных ч. 5 ст. 33 УК РФ. К. В. Ображиев и К. В. Чашин отмечают: «До появления ст. 291.1 УК РФ посредник во взяточничестве, как правило, признавался пособником преступления, предусмотренного ст. 290 или 291 УК РФ. Однако подобная уголовно-правовая оценка далеко не во всех случаях соответствовала предписаниям ч. 5 ст. 33 УК РФ, которая содержит исчерпывающий перечень пособнических действий. <...> Передача предмета преступления (в нашем случае — взятки) в перечне пособнических действий не указана (в нем фигурирует только предоставление «средств или орудий совершения преступления»)»³⁶. Думается, той же причиной несоответствия объективной стороны пособничества и посредничества можно объяснить и мотивы введения в советское уголовное законодательство ст. 174.1 Законом РСФСР от 25.07.1962 г.³⁷ (практически сразу после издания УК РСФСР 1961 г.). Правда, формулировалась она намного лаконичнее современного варианта — «посредничество во взяточничестве». При этом к размеру наказания исследователи советского периода так же высказывали нарекания³⁸.

³² Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // Криминалистика. 2017. № 2. С. 5.

³³ Безбородов Д. А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии // Криминалистика. 2017. № 1. С. 4.

³⁴ См.: Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 30; Он же. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 155—178.

³⁵ Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права. С. 28.

³⁶ Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 32.

³⁷ Закон РСФСР от 25.07.1962 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

³⁸ См., например: Дементьев С. И. Аксиологический анализ уголовно-правовых санкций // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 75—80.

Закрытый перечень способов пособничества затрудняет квалификацию общественно опасных деяний, связанных и с другого рода преступлениями — содействием в сбыте наркотических средств. Приведем одно типичное решение, в котором, на наш взгляд, вмененные осужденному признаки деяния не вполне соотносятся с формулировкой пособничества, изложенной в Уголовном кодексе. В феврале 2016 г. приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы осужден Легаев за то, что, получая в сети Интернет от неустановленного лица информацию о местонахождении оптовых «закладок» с наркотическими средствами, на их основе за денежное вознаграждение делал розничные «закладки». К указанной деятельности Легаев привлек своего знакомого Логунова, который не входил в состав группы лиц по предварительному сговору, но оказывал Легаеву помощь в незаконных сбытах наркотических средств, а именно *осуществлял переписку в интернет-приложении с неустановленным следствием лицом от имени Легаева о незаконном сбыте наркотических средств, периодически вместе с Легаевым забирал мелкооптовые партии «закладок» с наркотическими средствами, осуществлял из их количества совместно с Легаевым розничные «закладки» наркотических средств*³⁹.

При сравнении объективной стороны действий Логунова с содержанием п. 5 ст. 33 УК РФ можно увидеть следующее несоответствие: если переписку в интернет-приложении от имени другого лица можно, хотя бы и с натяжкой, отнести к содействию в виде предоставления информации, то получение мелкооптовых партий наркотических средств и изготовление из них розничных «закладок» не подпадает ни под один из вышеперечисленных видов содействия (с учетом того, что наркотики в данном случае являлись не средствами или орудиями, а предметом преступления). Действия Легаева и Логунова в большей степени похожи на соисполнительство. Пособничеством, в зависимости от конкретного характера помощи, это может быть названо лишь при определении его содержания по формулировке с открытым

перечнем (аналогично Основным началам по уголовному праву РСФСР 1919 г.).

На недостаток законодательства, заключающийся в исчерпывающем перечне действий пособника, указывают, в частности, В. Винокуров и Р. Гордеев в рамках рассмотрения проблем квалификации посредничества в приобретении или сбыте наркотиков⁴⁰. Отмечая, что это вынуждает Верховный Суд РФ к расширительному толкованию, авторы приводят позицию Д. М. Молчанова, предлагающего расширить в действующем законодательстве понятие пособничества, дополнив ч. 5 ст. 33 УК РФ формулировкой «либо иным образом способствовало совершению преступления»⁴¹.

Не решает коренным образом проблемы и толкование, предложенное введенным в июне 2015 г. п. 15.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Предлагая рассматривать передачу приобретателю наркотических средств по поручению другого лица как соисполнительство в незаконном сбыте, это разъяснение неприменимо для ситуаций, аналогичных приведенному выше примеру. В нем Легаев и Логунов совместно выполняли поручения другого лица. Однако о существовании у Легаева нанятого по собственной инициативе помощника, Логунова, это лицо, являвшееся оптовым сбытчиком, даже не знало; между ним и Логуновым сговора не было. Кроме того, Логунов забирал наркотические средства не у Легаева, а *вместе* с ним и розничные «закладки» наркотических средств осуществлял не самостоятельно по поручению Легаева, а *совместно* с ним. В опубликованном тексте приговора, к сожалению, не отражены конкретные действия, которые совершали осужденные с «закладками». Но даже в том случае, если Логунов выполнял лишь какие-либо «вспомогательные» действия (например, подносил бумагу для изготовления «закладок»), то ни для соисполнительства, ни для пособничества исходя из текста ст. 33 УК РФ этого недостаточно.

³⁹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 12 февраля 2016 г. по делу № 1-20/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FCywtCDiAIWI/> (20.02.2018).

⁴⁰ Винокуров В., Гордеев Р. Уголовно-правовая оценка действий лица, выступающего посредником между приобретателем и сбытчиком наркотических средств // Уголовное право. 2014. № 2. С. 23.

⁴¹ Винокуров В., Гордеев Р. Указ. соч. С. 23.

В заключение отметим, что, учитывая однородность проблем для различных составов преступлений, представляется целесообразными предусмотреть открытый перечень возможных способов пособничества в ч. 3 ст. 33 УК РФ, чтобы не подгонять под потребности практики конкретные составы преступления. Рассмотренные нами примеры трансформации формулы пособничества (не получившей логического завершения и в настоящее время)

убедительно показывают, что совершенствование институтов уголовного права невозможно без участия судебной практики, нередко служащей сигналом для законодателя о наличии дефекта техники изложения уголовно-правовой нормы. При этом только триединство теории, законодательства и практики, причем с наличием обратных связей, может обеспечить эффективную реализацию уголовной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безбородов Д. А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии // Криминалисть. — 2017. — № 1. — С. 3—5.
2. Винокуров В., Гордеев Р. Уголовно-правовая оценка действий лица, выступающего посредником между приобретателем и сбытчиком наркотических средств // Уголовное право. — 2014. — № 2. — С. 23—26.
3. Волков Г. О проекте нового Уголовного кодекса // Социалистическая законность. — 1937. — № 3. — С. 11—22.
4. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. — М., 1949. — 419 с.
5. Галахова А. Практика применения уголовного закона о соучастии // Советская юстиция. — 1980. — № 5. — С. 21—23.
6. Дементьев С. И. Аксиологический анализ уголовно-правовых санкций // Советское государство и право. — 1987. — № 7. — С. 75—80.
7. Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // Криминалисть. — 2017. — № 2. — С. 3—5.
8. Каганов С. Некоторые вопросы соучастия в советском уголовном и военно-уголовном праве // Тезисы докладов на IV научной конференции слушателей Военно-юридической академии вооруженных сил СССР. — М., 1949. — С. 2—4.
9. Ковалев М. И. К вопросу о понятии соучастия в советском уголовном праве // Правоведение. — 1959. — № 4. — С. 97—105.
10. Наумов А. В. Характеристика типичных ошибок в применении уголовного закона // Советская юстиция. — 1973. — № 15. — С. 13—14.
11. Никифоров Б. С. Основные вопросы развития советского уголовного права в связи с кодификацией уголовного законодательства // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской Социалистической Революции, 21—23 октября 1957 г. — М., 1958. — Вып. 1 : Доклады на пленарных заседаниях. — С. 82—111.
12. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. — 2013. — № 6. — С. 30—35.
13. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. — 2013. — № 1. — С. 24—32.
14. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. — 2017. — № 4. — С. 155—178.
15. Трайнин А. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. — 1926. — № 7-8. — С. 1—3.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2018 г.

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN SOVIET AND RUSSIAN CRIMINAL LAW

PIKUROV Oleg Nikolaevich — PhD in Law, Senior Assistant to the Prosecutor of the Volgograd Region on Legal Support and Public Relations
pikurov@mail.ru
400075, Russia, Volgograd, ul. Istoricheskaya, d. 124

Abstract. *The effectiveness of the criminal policy implementation largely depends on the interrelation between legislation, legal theory and practice. On the example of complicity as one of the institutes of criminal law, the article investigates the mechanism of their mutual influence during several historical epochs: since the moment of a radical change in the development of criminal law related to the 1917 Revolution till the present day. The author analyzes changes in the legislation that had taken place during the specified period. It is noted that after it was rejected to provide for a non-exhaustive list of complicity actions in the Criminal Code of 1922 that had been laid down in the 1919 Guiding Principles on the Criminal Law of the RSFSR, all sources of criminal law demonstrate a constant increase in the list of criminalized means of complicity. In the author's opinion, the reason for this is the objective need of jurisprudence, since the variety of public relations (and, accordingly, socially dangerous acts aimed at the destruction of social relations) cannot fit into the legal framework. Such conclusions are confirmed by decisions on specific cases considered by courts of various levels since 1920s and up to the present time. In addition, the main doctrinal standings concerning the issues under consideration are given. Conclusions are drawn with res the possibility of applying individual methods of legislative regulation used by Soviet criminal law to resolve contemporary issues. In particular, using specific socially dangerous acts as examples (assistance in terrorist activities, mediation in bribery, complicity in the illicit sale of narcotic drugs) and taking into account the needs of modern jurisprudence, it is proposed to return to a non-exhaustive list of methods of complicity in the General Part of the Criminal Code.*

Keywords: *complicity, abetting, concealment, misrepresentation, assistance in terrorist activities, mediation in bribery, sale of narcotic drugs, acquisition of stolen property, criminal policy, qualification.*

REFERENCES

1. Bezborodov D.A. Tendentsii ugolovnogo zakonodatelstva pri konstruirovani norm o neobkhodimom souchastii [Tendencies in criminal legislation when constructing legal rules concerning the necessary complicity]. *Kriminalist*. 2017. No. 1. P. 3—5.
2. Vinokurov V., Gordeev R. Ugolovnoppravovaya otsenka deystviy litsa vystupayushchego posrednikom mezhdu priobretatelem i sbytkikom narkoticheskikh sredstv [Criminal law estimation of actions of the person acting as the intermediary between the acquirer and the distributor of narcotics]. *Ugolovnoe pravo [The Criminal Law]*. 2014. No. 2. P. 23—26.
3. Volkov G. O proekte novogo ugolovnogo kodeksa [On the Draft of the New Criminal Code]. *Sotsialisticheskaya zakonnost [Socialist legality]*. 1937. No. 3. P. 11—22.
4. Vyshinsky A.Ya. Voprosy teorii gosudarstva i prava [Issues of the Theory of the State and law]. Moscow. 1949. 419 p.
5. Galakhova A. Praktika primeneniia ugolovnogo zakona o souchastii [The practice of applying the criminal law on complicity]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*. 1980. No. 5. P. 21—23.
6. Dementiev S.I. Aksiologicheskii analiz ugolovnoppravovykh sanktsiy [Axiological analysis of criminal law sanctions]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1987. No. 7. P. 75—80.
7. Zarubin A.V. Nekotorye voprosy otvetstvennosti za sodeystvie terroristicheskoy deyatelnosti [Some issues of responsibility for the promotion of terrorist activities]. *Kriminalist*. 2017. No. 2. P. 3—5.
8. Kaganov S. Nekotorye voprosy souchastiya v sovetskom ugolovnom i voennougolovnom prave [Some issues of complicity in the Soviet criminal and military-criminal law]. Tezisy dokladov na IV nauchnoy konferentsii slushateley Voennoyuridicheskoy akademii vooruzhennykh sil SSSR [Abstracts of the 4th Scientific Conference of Students of the Military-Law Academy of the Armed Forces of the USSR]. Moscow, 1949. P. 2—4.

9. Kovalev M.I. K voprosu o ponyatii souchastiya v sovetskom ugovnomn pravе [On the Issue of the Concept of Complicity in Soviet Criminal Law]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1959. No. 4. P. 97—105.
10. Naumov A.V. Kharakteristika tipichnykh oshibok v primenenii ugovnogo zakona [Characteristics of Typical Errors in Application of the Criminal Law]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*. 1973. No. 15. P. 13—14.
11. Nikiforov B.S. Osnovnye voprosy razvitiya sovetskogo ugovnogo prava v svyazi s kodifikatsiey ugovnogo zakonodatelstva [The main issues of the development of Soviet criminal law in connection with the codification of criminal law]. *Trudy nauchnoi sessii posviashchennoi sorokaletiiu Velikoi Oktiabrskoi Sotsialisticheskoi Revoliutsii 21—23 oktiabria 1957 g.: doklady na plenarnykh zasedaniyakh* [Proceedings of the Scientific Session devoted to the fortieth anniversary of the Great October Socialist Revolution, October 21—23, 1957: plenary reports]. Moscow, 1958. Issue 1. P. 82—111.
12. Obrazhiev K., Chashin K. Kriminalizatsiya posrednichestva vo vzyatochnichestve: poisk optimalnoy modeli [Criminalization of mediation in bribery: search for the optimal model]. *Ugovnoe pravo [Criminal Law]*. 2013. No. 6. P. 30—35.
13. Rarog A.I. Zakonodatelnye ataki na ustoi ugovnogo prava [Legislative attacks on the foundations of criminal law]. *Gosudarstvo i pravo [The State and Law]*. 2013. No. 1. P. 24—32.
14. Rarog A.I. Ugolovnyy kodeks rossii protiv terrorizma [The Criminal Code of Russia against Terrorism]. *Lex Russica*. 2017. No. 4. P. 155—178.
15. Traynin A. K voprosu o klassovom pravosudii [On the Issue of Class Justice]. *Revolutsionnaya zakonnost*. 1926. No. 7-8. P. 1-3.